

ние слои самой элиты. С этой точки зрения выявленный Павловым механизм эволюции элиты в России XVII в. можно рассматривать как проявление общей для средневековых государств закономерности.

Новый труд А.П. Павлова вместе с его известной монографией о дворе Бориса Годунова⁶⁵ открывает перед читателем широкую картину эволюции правящей элиты нашей страны на протяжении почти целого столетия: от Ивана Грозного до Алексея Тишайшего. Книга является фундаментальным вкладом в историографию и вызовет живой интерес читателей: этот труд принадлежит к счастливому типу исследований, способных порождать новые книги.

Дмитрий Лисейцев: Долгожданный подарок специалистам по истории России XVII в.

Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Expected gift to specialists in the history of Russia of the 17th century

DOI: 10.31857/S086956870010785-4

Научное исследование, выполненное А.П. Павловым, стало долгожданным подарком для специалистов по истории России XVII в., а особенно для друзей исследователя, давно и с нетерпением ожидавших выхода этой работы. Книга готовилась с присущей автору добросовестностью и скрупулёзностью, она выстроена на мощном фундаменте исторических источников и представляет собой прочную научную конструкцию. В распоряжении учёных появился труд, реконструирующий состав правящего слоя Московского государства времени царствования первого государя из династии Романовых. Исследователи, профессионально занимающиеся изучением истории допетровской Руси, согласятся, что эпоха царя Михаила Фёдоровича не избалована пристальным вниманием учёных — монографических исследований по этому периоду написано немного. Думаю, одна из причин такого игнорирования — привлекательность для изучения соседствующих эпох — Смутного времени и «Бунташного» века, богатых событиями и потрясениями. На этом фоне три относительно спокойных десятилетия царствования Михаила Романова смотрятся, на первый взгляд, малоинтересным затишьем между бурями. Между тем, как справедливо отметил Павлов, «начальный период царствования дома Романовых (1613—1645) явился важным этапом в истории России, когда решались судьбы русской государственности, определялись пути дальнейшего политического развития страны после Смуты» (Т. I. С. 11).

Мне представляется, что благодаря появлению этого труда царствование первого Романова начинает наконец-то терять сохранявшийся на протяжении длительного времени статус «*terra incognita*». Во всяком случае, в нашем распоряжении есть теперь колоссальный (во всех смыслах этого слова) и научно выверенный труд о составе Боярской думы и Государева двора первой половины XVII в., изменениях в расстановке сил внутри этих политических и социальных структур, причинах, приводивших их в движение и сталкивавших между собой существовавшие внутри них группировки. Что же касается второго тома монографии, то он просто обречён на то, чтобы стать фактически самостоятельным научным справочником по истории землевладения боярских родов первой половины XVII в.

⁶⁵ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба...

Книга А.П. Павлова завладела моим вниманием с самых первых страниц, посвящённых истории Земского собора 1613 г., по двум причинам. Первая из них — личный научный интерес к данной тематике. Вторая причина — неизбежно возникающий вопрос: каким образом история Земского собора 1613 г. связана с обозначенной в заглавии монографии темой — просопографическим исследованием думных и комнатных людей царя Михаила? Логичный ответ на этот вопрос автор дал в самом конце первой части своего исследования: во время борьбы за престол в 1613 г. завязались «серьёзные противоречия... между руководством Думы и земскими воеводами. Выстраивать свои взаимоотношения с верхами служилого сословия новой династии приходилось, по существу, заново» (Т. 1. С. 146). Иначе говоря, избирательная кампания 1613 г., своего рода пролог царствования Михаила Романова, создала ту непростую ситуацию, в которой новому правительству пришлось выстраивать свой политический курс. Констатация этих сложностей, признание того факта, что окружению молодого монарха пришлось организовывать связь с верхушкой служилого люда практически «с чистого листа», расходятся с давно утвердившимся в историографии тезисом о том, что Земский собор 1613 г. явил собою образец и символ всенародного единения и согласия, поставив точку в событиях Смутного времени. Поэтому отдельно мне хотелось бы остановиться на произведённой Павловым реконструкции хода Земского собора 1613 г.

Исследователи истории событий конца 1612 — начала 1613 г. условно могут быть разделены на две группы. Первые, вслед за официальной риторикой «Утвержденной грамоты» и прочих документов, исходивших из московской канцелярии с конца февраля 1613 г., склонны считать избрание царём Михаила Романова всенародным и процессуально правильным. Аргументы исследователей, указывавших на явную несинхронность событиям зимы—весны 1613 г. подписей на «Утвержденной грамоте», сторонники этого взгляда не считают поводом для компрометации документа. Свидетельствам источников, идущим вразрез с версией о процедурно верном (а порой и безальтернативно-единогласном) избрании царя Михаила, сторонники этого подхода, напротив, доверять не склонны, обвиняя авторов таких документов в тенденциозности или малой осведомлённости. Другая группа исследователей со скепсисом относится к официальным документам, подозревая их составителей в искажении действительности в интересах нового царя и его окружения. Больше доверия у них вызывают свидетельства, возникшие в разное время и при различных обстоятельствах, но сходящиеся в одном важном моменте: решающую роль в провозглашении Михаила Романова царём сыграли не Земский собор, Совет всея земли или Боярская дума, а вооружённая казачья масса.

Анализируя ход событий начала 1613 г., Павлов в целом следует в русле второй из вышеперечисленных концепций. Вместе с тем в его видении ситуации присутствует важная особенность, отличающая реконструкцию автора от построенной большинством учёных. Классическая картина событий 1612—1613 гг. обобщённо выглядит так: после освобождения Москвы в конце октября 1612 г. верховной властью в стране стал Совет всея земли (в нём Л.В. Черепнин видел даже постоянно заседавший Земский собор), в январе 1613 г. передавший властные полномочия избирательному Земскому собору, уступившему, в свою очередь, управление Московским государством окружению избранного собором царя Михаила Фёдоровича⁶⁶. Павлов не склонен преувеличивать роль и

⁶⁶ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 179—189, 201—204.

значение Земского собора. Указав, что в январе 1613 г. тот уже определённо функционировал, учёный замечает: «источники явно свидетельствуют о том, что реальная власть в столице и руководящая роль на соборе в январе — начале февраля принадлежала руководителям земского освободительного движения — Д.Т. Трубецкому и Д.М. Пожарскому»; автор приводит конкретные примеры, когда жалованные грамоты служилым людям выдавались правительством Трубецкого и Пожарского, но оформлялись при этом как соборное решение (Т. 1. С. 54, 61, 62).

Мне представляется, что продуктивный спор между сторонниками двух охарактеризованных выше концепций можно продолжать лишь с опорой на документы официальные (любые другие будут отвергнуты или поставлены под сомнение последователями версии о «всенародном избрании»). Между тем и вполне официальные документы ставят под вопрос стройную картину, изложенную «Утвержденной грамотой». Павлов указывает на один из таких документов — опубликованную почти три десятилетия назад грамоту, которую отправили из Москвы в Белоозеро «Великороссийские державы Московского государства боярин и воевода Дмитрий Трубецкой да стольник и воевода Дмитрией Пожарской» (Т. 1. С. 66). Грамота содержала распоряжение об испомещении на чёрных и дворцовых землях служилых людей. Примечательно, что в ней нет даже намёка на Земский собор или Совет всея земли, отсутствует апелляция к авторитету «всяких чинов людей» и любая другая фразеология, охотно трактуемая современным исследователем как доказательство функционирования народного представительства в форме Земского собора. Но любопытнее всего дата составления грамоты — 21 февраля 1613 г. — день, когда произошло всенародное и единодушное избрание Михаила Романова на престол, о чём в отправленной в Белоозеро грамоте загадочным образом не упоминается даже намёком⁶⁷.

Эту странность теоретически можно объяснить, например, тем, что грамоту в Белоозеро написали и отправили с утра, а всенародное избрание приключилось, допустим, к вечеру. Но есть ещё один вполне официальный документ, написанный днём позже, 22 февраля 1613 г. (он, кстати, введён в научный оборот около 180 лет назад). Это грамота в Галич, написанная от имени князей Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского (подписанная, правда, лишь последним), содержавшая запрет взимать казачий корм с вотчин Симонова монастыря. И хотя в этом послании и содержится упоминание совета всей земли («и вы б, господа, нашего боярского приговору и всей земли совету слушали»), однако сообщить галичанам о вчерашнем всенародном избрании царя воеводы-дуумвиры почему-то не сочли нужным⁶⁸. Не обнаруживается упоминания о новоизбранном государе и в грамоте, отправленной 2 марта 1613 г. в Мангазею: в ней «бояря и воеводы», ссылаясь на «совет всей земли», указывали воеводе ехать в столицу «к нам» (а отнюдь не к государю); соответственно, и «мягкую рухлядь» везти предписывалось «к нам»⁶⁹. Складывается впечатление, что избрание царя Михаила 21 февраля в правительственных кругах, по крайней мере

⁶⁷ Лантеева Т.А. «И мы осадных сидельцов за службы велели испоместить»: Жалованная грамота «Совета всея земли». 1613 г. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 192—196.

⁶⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841. С. 407—408.

⁶⁹ Эскин Ю.М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 54.

в первые дни, не считали единоклассным и необратимым, а потому и оповещение страны о свершившемся обретении государя началось лишь после интригующей четырёхдневной паузы.

Отдельное спасибо Павлову специалисты по истории Смутного времени обязаны сказать за введение в научный оборот нового ценного источника по истории февральских событий 1613 г. — списка с грамоты Земского собора в Кольский острог об избрании на царство Михаила Фёдоровича (Т. 1. С. 63, 100—102, 109, 111, 124, 151, 167)⁷⁰. Павлов поставил обнаруженный им документ в один ряд с давно известными окружными посланиями с извещением об избрании на престол Михаила Фёдоровича, отправленными 25 февраля 1613 г. во Владимир, Пошехонье и на Двину. Найденный Павловым документ датирован 20 февраля 1613 г. (как отметил исследователь — датирован ошибочно, сам он отнёс его к 25 февраля, подобно прочим окружным посланиям). Разумеется, 20 февраля грамота в Кольский острог составлена быть не могла — в ней описывается процедура избрания на престол Михаила Фёдоровича, да и дата этого события — 21 февраля — указана в ней вполне конкретно. Я, однако, не торопился бы с выводом относительно небрежности переписчика кольской грамоты. Приведу иной пример хронологического парадокса в официальном документе, составленном по тому же поводу. Грамота к казанскому дьяку Никанору Шульгину с сообщением об избрании на престол Михаила Фёдоровича имеет в конце дату 22 февраля 1613 г., но в этом документе упоминаются события, имевшие место 23 и 24 февраля, и даже 9 марта⁷¹. Таким образом, и документы, отражающие официальную картину царского избрания, ставят перед исследователем немало вопросов, которые трудно разрешить, доверяя лишь грамотам, вышедшим из-под пера столичных подьячих.

Остаётся нерешённым, в частности, вопрос о том, кому же в конечном итоге оказался обязан своим избранием на престол Михаил Романов. Какой бы точки зрения на свершившийся факт мы ни придерживались (был ли Михаил Фёдорович всенародным избранником, креатурой бояр или ставленником казаков), приходится признать: кто-то блестяще провёл «избирательную кампанию» этого кандидата (убедил казаков, подготовил «общественное мнение», склонил к этому решению бояр). Соглашаясь с тезисом Павлова («избрание Михаила Романова произошло “снизу”, без широкой поддержки со стороны правящей элиты и дворянства» (Т. 1. С. 107)), тем не менее вынужден признать, что для меня остаётся загадкой ответ на вопрос: кто смог оказаться для этих социальных низов убедительнее и авторитетнее их вчерашних предводителей — князей Трубецкого и Пожарского?

Безусловно ценными и верными являются наблюдения Павлова относительно расстановки сил в правительстве царя Михаила Фёдоровича. Как отмечает исследователь, в течение первой половины 1620-х гг. при дворе шла активная борьба между двумя группировками. Лидерами первой из них были братья Борис и Михаил Салтыковы, опиравшиеся на поддержку со стороны

⁷⁰ См. также недавнюю публикацию источника: *Павлов А.П.* Грамота земского собора в Кольский острог от 25 февраля 1613 г. // Сборник статей и публикаций, посвящённый Андрею Алексеевичу Булычёву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности. М., 2020. С. 172—192.

⁷¹ *Корецкий В.И., Лукичёв М.П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612—1613 гг. // *Лукичёв М.П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 214—221.

«царицы-инокини» Марфы. Вторую возглавил отец государя патриарх Филарет Никитич. О противостоянии двух придворных «партий» написано немало: анализировались предполагаемые расхождения их представителей относительно внешнеполитического курса (ориентированного на конфронтацию со Швецией у Салтыковых или на реванш в борьбе с Речью Посполитой у Филарета)⁷²; отдельно рассматривались драматичные эпизоды придворных интриг, связанных с первыми попытками царя Михаила Фёдоровича вступить в брак⁷³. Падение Салтыковых в октябре 1623 г. ознаменовало собой окончательную победу «партии» патриарха Филарета. По наблюдению Павлова, «во главе думской иерархии становятся бояре романовского круга, которые получают теперь не только фактическое, но и формальное доминирование в государстве... С конца 1626 г. перечни боярских имён в боярских списках возглавляет царский дядя И.Н. Романов» (Т. 1. С. 278, 778—779).

Отмечу, что изменения «центра тяжести» при дворе и в правительстве можно проследить не только по переменам последовательности имён в боярских списках, где формальное старшинство оказывалось важнее фактического положения. Лица, обладавшие наибольшим влиянием при дворе, не могли избежать соблазна извлечь из своего положения материальную выгоду. Наиболее прибыльным делом тогда были откупа таможен и особенно кабаков. В течение первых десяти лет царствования Михаила Фёдоровича, как можно проследить по документам, члены «салтыковской» группировки активно участвовали в этом доходном «бизнесе». Крестьян царицы-инокини Марфы в 1613/14—1622/23 гг. мы видим откупщиками кабаков в Парфеньеве, Дорогобуже, Курске, Судиславле. Людей братьев Салтыковых на откупах документы фиксируют в те же годы в селе Павлово Нижегородского уезда, в Чухломе, в нижегородских юркинском, великовражском и работкинском, афанасьевском и сосновском кабаках, Кокшайске, Клязьменском городке, Касимове, Судиславле. Крестьяне постельничего К.И. Михалкова откупали кабаки в Мценске, Орле, Тарусе, Парфеньеве, Чухломе, Ельце, Судиславле. Некоторые из откупаемых объектов достаточно дорогие — кабак в нижегородском селе Павлово в те годы поднялся в цене с 491 до 841 руб.⁷⁴ В годы господства Салтыковых люди, вошедшие позднее в «партию» патриарха Филарета, также были причастны к откупным операциям, но в гораздо более скромных масштабах. Крестьяне кн. Ивана Борисовича Черкасского эксплуатировали кабаки и таможни в Михайлове и Печерниках, люди боярина Ивана Никитича Романова — в Боровске и Ветлуге, причём самый дорогой из этих откупов стоил лишь 155 руб.⁷⁵ Необходимо учитывать, что для первого десятилетия царствования Михаила Фёдоровича сохранность документов оставляет желать лучшего, и, разумеется, приведённый

⁷² *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М., 1947. С. 90—91, 133—134; *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 189—190.

⁷³ *Морохин А.В.* К истории первого брака царя Михаила Фёдоровича // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 247—258.

⁷⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 6-ж, кн. 77, л. 36, 37, 53—53 об., 83; кн. 276, л. 37—37 об.; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 48, 489 об.—490, 546; кн. 5, л. 105—105 об.; кн. 6, л. 18—18 об.; ф. 396, оп. 1, д. 37574, л. 81—83; д. 37919, л. 24 об., 52, 146—151; д. 38764, л. 3; д. 38940, л. 1—2, 36, 37, 110—111; д. 38948, л. 62, 93, 148—151, 158—160; д. 40016, л. 134, 136.

⁷⁵ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38936, л. 135, 138, 139; д. 38940, л. 34 об., 95, 183—186; д. 38948, л. 13, 15, 57; д. 40018, л. 11 об.

перечень откупов нельзя считать исчерпывающим. Однако и имеющиеся факты показывают, насколько прочными были экономические позиции наиболее видных членов партии Салтыковых до возвращения из польского плена Филарета Никитича и даже в первые годы после его водворения в столице. Впрочем, уже с 1619/20 г. люди из окружения патриарха начали теснить салтыковскую «партию» в откупном деле. На примере откупа кабаков в Нижегородском уезде в начале царствования Михаила Романова отлично видно, что свои позиции в этой области люди Салтыковых сдали не сразу и не без борьбы⁷⁶.

На смену господствовавшим в откупном деле Салтыковым и их сторонникам пришли люди патриарха Филарета Никитича и членов его правительственной «партии». С начала 1620-х гг. и до кончины царского родителя были очень активны патриаршие крестьяне. Среди городов, где они держали на откупе кабаки и таможни — Арзамас, Боровск, Брянск, Валуйка, Великие Луки, Великий Новгород, Владимир, Воронеж, Елатьма, Елец, Звенигород, Кадом, Калуга, Кеврола, Клин, Клязьменский городок, Кокшайск, Новосиль, Путивль, Ржева Владимирова, Романов, Руза, Саратов, Старая Руса, Старица, Тверь, Устюжна, Юрьев-Польской. Некоторые из этих откупов взяты на огромные суммы. Например, патриарший крестьянин из села Козье Болото Иван Мосяга в 1625/26 г. откупал кабаки Арзамаса, Владимира, Путивля, Ржевы Владимировы и Нижегородского уезда на общую сумму около 5 700 руб.; его «односельчанин» Лев Кострикин в 1631/32 г. за 3 517 руб. держал на откупе кабаки Великого Новгорода⁷⁷.

С начала 1620-х гг. активность стали демонстрировать крестьяне кн. И.Б. Черкасского и И.Н. Романова. Впрочем, до конца 1620-х гг. им приходилось довольствоваться относительно скромными откупами. Крестьяне кн. Черкасского, например, были откупщиками в дюжине городов, но крупные откупа имели только в Воронеже, Путивле и Рьльске; крестьяне И.Н. Романова замечены в 13 местах, но крупный откуп держали только в Арзамасе. В 1630-х гг. картина существенно изменилась. Крестьяне кн. Черкасского стали откупщиками в 23 новых для них городах, став держателями дорогих откупов в Брянске, Галиче, Ельце, Соли Вычегодской, Суздале, Туле и Шуе (правда, при этом им пришлось покинуть ряд городов, где они действовали в предыдущем десятилетии). Намного шире развернулись крестьяне И.Н. Романова. Не покинув практически ни одного из прежних мест, они освоили откупной рынок ещё 37 городов, среди них — Белгород, Владимир, Вологда, Воронеж, Галич, Елец, Калуга, Касимов, Коломна, Курск, Нижний Новгород, Псков и Тотьма (перечислены лишь те города, где откупа стоили более 1 тыс. руб.). За 1630-е гг. одни лишь крестьяне принадлежавшего И.Н. Романову с. Спасское Калужского уезда выступили в роли откупщиков около 70 раз, взяв на себя в общей сложности откупов приблизительно на 70 тыс. руб.⁷⁸ Думается, данная картина позволяет сделать вывод о том, что формальное старшинство царского дяди И.Н. Романова в Думе, зафиксированное боярскими списками с 1626 г., подкреплялось прочным экономическим положением в 1630-х гг.

⁷⁶ Лисейцев Д.В. «А им де от тех кабацких откупщиков обида и насильство великое...»: борьба за кабацкие откупа в Нижегородском уезде на исходе Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 76—83.

⁷⁷ РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 6, л. 30 об., кн. 7, л. 27 об., 340 об.—341, 392 об.—393, 425 об.—426; кн. 9, л. 137; кн. 15, л. 251.

⁷⁸ Лисейцев Д.В. Экономическое состояние Калуги в первой половине XVII века (в печати).

Хочу также поделиться соображениями относительно термина, употребляемого Павловым для обозначения исследуемой им социально-политической группы (бояр и придворных людей) — «сильные люди». Автор неоднократно использует это словосочетание на страницах монографии и выносит его в заключение: «В годы царствования первого Романова при обозначении правящего и привилегированного круга думных людей и придворных утверждается понятие “сильные люди”» (Т. 1. С. 781—782). Термин этот, разумеется, не является изобретением Павлова — он нередко встречается в документах времени царствования Михаила Романова. Наполнить это выражение конкретным социальным содержанием попытался И.Л. Андреев, отметивший: «главный признак “сильного человека” — возможность чинить насилие, произвол, беззаконие. Понятно, что это мог позволить себе прежде всего человек могущественный, сила которого основывалась на богатстве, происхождении, социальном положении и обширных связях в верхах и приказном аппарате»⁷⁹. В этом смысле выражение «сильные люди», противопоставляя их рядовым провинциальным служилым людям, использовал и Павлов: «Наиболее видные бояре и придворные, так называемые “сильные люди”... получали во владение целые чёрные и дворцовые волости»; «наиболее активно покупали вотчины... виднейшие бояре, придворные и приказные деятели, так называемые “сильные люди”» (Т. 1. С. 706—707, 766).

Безусловно, в определённом контексте понятие «сильные люди» применимо к боярам и членам Государева двора. Но необходимо отметить, что так их именовали далеко не всегда и отнюдь не официально. Такое обозначение исходило от лиц, страдавших от произвола этих влиятельных людей. Из их челобитных данное выражение перекочевало в исходящие от верховной власти указы (характерная черта московского законодательства — охотное и часто дословное цитирование поступавших с мест жалоб). Однако мне представляется неверным превращать такую эмоциональную характеристику в обозначение целой социальной группы. С таким же успехом мы могли бы употреблять для обозначения приказных служащих, допустим, термин «мздоимцы». Насколько вписывается в число злоупотреблявших положением лиц, например, боярин кн. Д.М. Пожарский, названный среди «сильных людей» в одном ряду с известными временщиками — братьями Салтыковыми, И.Н. Романовым, кн. Б.А. Репниным, боярином Б.И. Морозовым? (Т. 1. С. 766) Добавлю также, что «сильными» в терминологии челобитчиков эпохи могли именоваться и люди, никак к числу правящей элиты Московского государства не относящиеся. В 1616 г. отправленный в Кострому «посланник» составил «Роспись оставленным костромичем детем боярским, вдовам и недорослям сильным». «Сила» этих людей, не входивших даже в состав уездной элиты, состояла в том, что они отказались предъявить столичному эмиссару документы, подтверждающие их права на владение поместьями и вотчинами. Таковых набралось не менее 69, из них 33 — жёны и вдовы костромских детей боярских⁸⁰. Демонстрировали «силу» и лица, занимавшие в социальной структуре Московского государства гораздо более скромные позиции. В 1617 г., например, отказались подчиняться воеводе унженские крестьяне: «С стрелецкими запасы... не пошли и правити на себе не дали, училилися сильны, и мне... отказали: нам де тебя ни в чем не

⁷⁹ Андреев И.Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20—40-е гг. XVII в. // История СССР. 1990. № 5. С. 77.

⁸⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 101—104.

слушати... и отказали мне... за все волости: запасы де нам не давати, и меня... лаяли всяко неподобною лаєю, и с правежю сошли, и правити на себе не дали». В 1634 г. чердынские, кайгородские и важские крестьяне отказались платить экстраординарный налог — «пятинные деньги»: «Окладчиков... к окладу не дали, учинились сильны». Год спустя они зашли в своём самоуправстве ещё дальше: «воевод не слушают, чинятца силны, а чердынцы, государь, посадские люди и уездные крестьяня в Чердыни воеводу хотели убить и от твоего государева дела отставили, и во дворе его осадили». В 1646 г. «учинились сильны» монастырский крестьянин «с товарищи», промышлявшие незаконной торговлей вином в Андомском погосте: «К государеву наказу не поехали и пени государевы на себе править не дали, и винных судов отписывать на государя не дали»⁸¹. «Сильными» в терминологии российского XVII в., таким образом, оказывалось не только ближайшее окружение царя, имевшее возможность творить произвол в отношении нижестоящих лиц, но и представители социальных низов, отказывавшиеся выполнять распоряжения столичных и уездных властей.

Впрочем, не терминологией, удачно или не совсем бесспорно употребляемой исследователем, определяется ценность его труда. Научный арсенал специалистов по истории России XVII столетия пополнился блестящим в исполнении, глубоким по уровню научного анализа, опирающимся на мощнейший источниковый фундамент исследованием. От такого глубокого знатока российской истории XVI—XVII вв., каковым, без сомнения, является Андрей Павлович Павлов, никто и не ждал иного. Эта «предсказуемость», тем не менее, нисколько не снижает радости от результата — она сродни удовольствию, получаемому от долгожданной новой работы любимого писателя или музыканта, настоящего мастера своего дела.

⁸¹ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 39414, л. 52—53; д. 41150, л. 1; д. 50394, л. 23; ф. 141, оп. 1, д. 49 (1634 г.), л. 3; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 281; д. 26 (1647 г.), л. 185.